

Г.Н. Потанин

АЛТАЙ

Алтай – сравнительно с Швейцарией. – Оригинальность природы Алтая. – Алтайские снежные вершины и глетчеры. – Богатство и разнообразие Алтайской водной системы. – Население. – Сельское хозяйство и промыслы. – Торговая дорога.

*Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна...
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне.*

А. Пушкин

Алтай представляет горную систему, которая острогами своими наполняет южную половину Томской губернии; на северо-западе границей его служит течение реки Алей, на юго-западе – река Иртыш, на северо-востоке – трещина, в которой лежит Телецкое озеро, а на юго-востоке русский Алтай ограничен государственной границей. В этих пределах он занимает площадь в 2 500 кв. м, другими словами – из русского Алтая можно выкроить целых три Швейцарии. Хребты, входящие в состав этой системы, идут в различных направлениях и разнообразно загибаются, что значительно усложняет систему. Мы постараемся схватить рельеф системы только в общих чертах.

Главный массив системы находится на южной границе губернии; здесь, под 50° сев. широты, лежит высокое плоскогорье Укэк¹; оно имеет 7 800 футов высоты над уровнем моря; ширина его от запада на восток около – 10 верст. Это центр поднятия системы, так сказать, алтайский Памир. Круглый год он безлюден. Летом, в июне месяце, здесь часто идет снег; термометр ночью падает ниже 0°, и реки иногда покрываются за ночь довольно толстым льдом. Ледяная кора вечно покрывает гранитные кругляки по берегам реки. Единственный древовидный кустарник на плоскогорье – карликовая береза (*Betula nana*). С севера, востока и юга плоскогорье ограничено высокими снежными горами и только на западе оно открыто. Число спусков с плоскогорья в соседние долины ограничено; выючных спусков два: один на запад, в глубокую долину р. Бухтармы, другой – на восток; последний путь выходит в систему р. Кобдо, которая течет в китайских пределах; при этом приходится

¹ Современное написание Укок. (Ред.)

переваливать через скалистый хребет Улан-Даба, который возвышается над плоскогорьем еще на 1 460 футов. На севере хотя и есть отверстие, но оно не может служить для человеческих сообщений: это узкая щель, по которой воды с плоскогорья с бешенством стремятся на более низкую террасу, по которой протекает Катунь. На южной окраине плоскогорья возвышается снежная группа Куйтун, вероятно, самая высокая точка во всем Алтае. От Куйтуна на запад, вплоть до правого берега Иртыша, тянется высокий хребет, так заваленный снегами в восточной части, что здесь вовсе нет горных проходов на южную его сторону. Это – самая южная цепь русского Алтая: севернее ее проходит другая, которую составляют хребты: Чуйские белки, Катунские столбы и Холзун. Эта цепь на востоке сближается с южной и образует с нею угол; на западе же значительно отходит.

Пространство между этими двумя цепями занято на востоке плоскогорьем Укэк, на западе – долиной р. Бухтармы, дно которой постепенно понижается к западу. При самом начале долины, в восточном ее конце стоят две значительнейшие горы в Алтае: одна – Куйтун, о которой мы уже говорили, на южной стороне долины, другая – Белуха, на северной. Обе горы посылают в долину свои потоки: с Куйтуна мчится большая река Белая Бухтарма, с Белухи – Берель; третью, менее значительную ветвь Бухтарма получает с Укэка. Что касается главных вод плоскогорья, то они собираются в русле Аргута и текут на север; цепь белков, окружающая плоскогорье с севера, разорвана здесь глубоким и диким ущельем, в которое и устремляется Аргут, превращаясь от крутого падения в водяную пыль. К северу от этой цепи можно проследить третий ряд гор; к западу от Катунь он состоит из гор Теректинских и Коргонских, к востоку – из Эйлагумских и Айгулакских. Промежуточное пространство между второй и третьей цепью представляют два возвышенные плоскогорья, одно в восточном конце его, другое – в западном; первое называется Чуйской степью, второе – Абайской степью; середина между ними занята долиной р. Катунь; эта река берет начало на юго-западном склоне горы Белухи; обогнув ее с запада, течет на север и выходит из Алтая на сибирскую низменность. Чуйское плоскогорье лежит к северо-востоку от Укэка и отделяется от него цепью Чуйских белков; оно обширнее Укэка, имеет около 60 верст длины, но ниже, поднимается только до 6 000 ф[утов] Оно окружено со всех сторон высокими, сложными горами: с юга и востока его окружает Сайлюгэмский хребет, с юго-запада – Чуйские белки, с севера – Айгулакские и Кутайские горы; плоскогорье орошается рекой Чуей, которая, подобно Аргуту, вверху течет спокойно по плоскогорью, внизу же стремительно мчится по теснине и впадает в Катунь выше Аргута.

Вьючные пути с плоскогорья в Китай через Сайлюгэм удобны, они идут через плоские горные проходы; выезд в Россию труден, потому что проходит по теснине, по которой изливается Чуя. Чуйское плоскогорье смотрит приветливее Укэка и на нем возможна человеческая жизнь; здесь уже бродят теленгиты со стадами и на берегу Чуи живут в деревянных избах приказчики русских купцов, ведущих торговлю в Алтае и Монголии. Река Чуя берет начало

в северо-восточном углу степи; здесь, в близком расстоянии одна от другой, возвышаются две снежные вершины: Муйли-Ту и Бутул-Тайга; у северо-восточной подошвы этих гор лежит высокое плоскогорье, на котором рассеяно множество озер, в том числе два больших: Кендыкты-Куль и Джувлу-Куль. Плоскогорье имеет до 30 верст длины; озеро Кендыкты-Куль лежит на высоте 8 200 ф[утов] над уровнем моря; озеро Джувлу-Куль – на высоте 7 920 ф[утов]. Природа этого плоскогорья еще суровее, чем на плоскогорье Укэк: в 8 часов вечера термометр уже падает ниже 0. Мелкие озера этого плоскогорья покрыты льдом круглый год; берега же больших озер остаются покрытыми льдом среди лета. Путешественник Чихачев около 5 июня нашел озеро Джувлу-Куль покрытым льдом; позже, около 26 числа того же месяца, другой путешественник нашел его открытым, но берега были усыпаны ледяными иглами, которые производили своеобразный шорох при каждом новом набеге волны.

Вид на Алтай. Рис. Н. Каразина

Единственный постоянный житель этого западного плоскогорья – сурок (*Arctomys bobac*), а на водах – красная утка (*Vulpanser rutila*). Лесу на плоскогорье нет, только некоторые скаты гор опушены карликовой березой (*Betula nana*), красноватые и кожистые листья которой скорее напоминают бруснику, чем наш березовый лист. Над северным берегом озера Джувлу-Куля возвышается хребет Шайшал; это западный конец хребта Тойту-Ола, который здесь примыкает к русскому Алтаю, так же как при горе Куйтун примыкает к нему длинная цепь китайского Алтая. За Шайшалом берут начало реки Барлык и

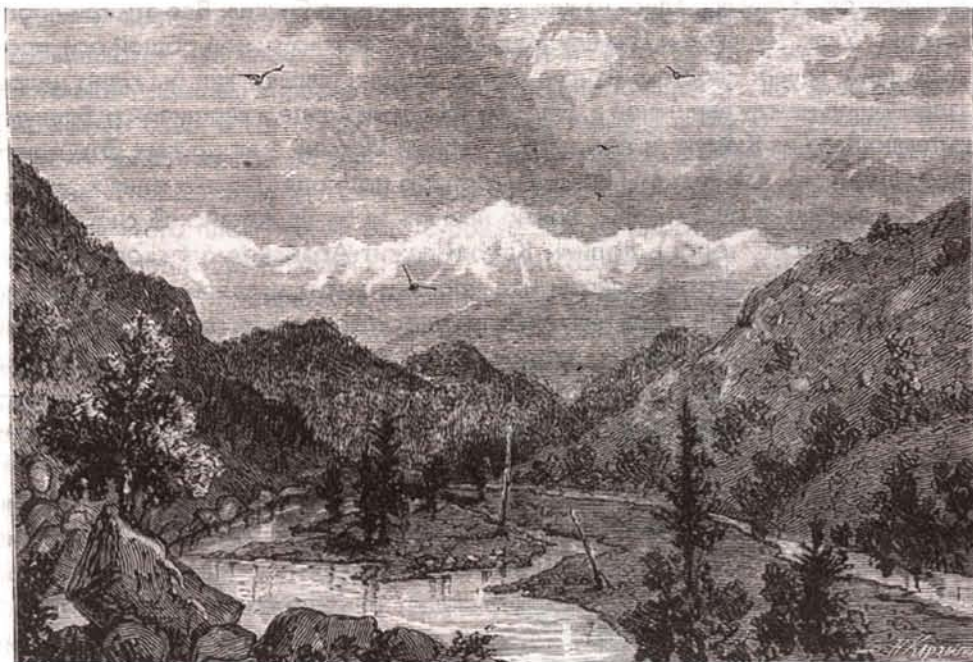

Чуя, притоки Кемчика; здесь начинается уже система Енисея. Все эти три плоскогорья: Укэк, Чуйское и Джувлу-Кульское – лежат на одной общей оси, проходящей с северо-востока на юго-запад, и представляют как бы одно целое, залегающее между вершиной р. Барлыка на одном конце и вершиной р. Бурчума, вытекающего из Куйтуна и текущего в Черный Иртыш, – на другом. Это единственное место, где системы Енисея и Иртыша подходят близко одна к другой. Три соединенные плоскогорья можно принять за базис Алтайской системы.

На западной стороне долины Катунь лежит Абайское плоскогорье, оно достигает 3 588 ф[утов] высоты над уровнем моря, и здесь уже возможно земледелие. Абайская степь невелика; но плоскогорье это, примыкая к южной подошве Коргонского хребта, продолжается на северной стороне хребта под названием Канской степи. С восточной части этой степи воды сбегают в долину Урусула, с западной – в долину Чарыша. В Канской степи в последнее время появилась заимка купца Мокина, с церковью, но крестьянского селения еще нет. Канская степь была прежде любимым местом кочевников; в прошлом столетии здесь кочевал самый важный из алтайских зайсанов – зайсан Омбо, вследствие чего весь народ алтайский был известен у русских под названием Канской земли. С севера Канскую степь ограждает ряд белков (альпов), который продолжается отсюда на запад и восток; западный конец этого ряда служит правым боком долины Урусула, восточный – левым, так что обе долины ограничены с севера одним и тем же гребнем. Белки, т. е. снежные горы, входящие в состав этого гребня, носят разные названия: над Чарышом гребень называется Талицким, над Урусулом – Семинским; последний на востоке упирается в долину Катунь.

Это будет по нашему счету четвертая цепь, самая северная и последняя; к северу от нее простирается сибирская низменность. В этой области Алтай горы уже не достигают тех исполинских размеров, как в юго-восточной его части; на Коргонских белках, которые выше других, только на северной стороне лежат местами вечный снег; Талицкий и Семинский гребни к концу лета бесснежны. Коргонские белки достигают высоты 7 600 ф[утов], а в вырезках высота гребня спускается до 6 300 ф[утов]. Еще менее значительна высота Талицкого и Семинского белков. Последний крутым восточным концом упирается в долину Катунь и вместе с горами правого берега запирает долину Катунь; удобный путь внутрь Алтая лежит поэтому не по долине, а западнее Семинского белка; дорога, ведущая туда, поднимается по живописной долине р. Семи и в вершинах ее переваливает через западное крыло Семинского белка, на высоте около 6 000 футов.

Долина Катунь извивается в широком ущелье гор, между двумя вышеописанными рядами плоскогорий. Река берет начало на юго-западном склоне горы Белухи и до Семинского белка делает четыре колена: сначала течет на юго-запад, потом на север, на восток, наконец, опять на север; два верхние колена носят дикий горный характер; среднее и нижнее колена находятся между устьями

Долина реки Чарыша. Рис. Н. Каразина

Коксу и Чуи; средняя высота этой последней части долины опускается от 3 000 до 2 000 футов. Как долина самой Катунь, так и многочисленные побочные долины удобны для земледелия; здесь не только успешно возделывается рожь, но хорошо вызревает и пшеница; оседлое население этой долины ничтожно, но не вследствие физических причин; весь Алтай считается кабинетской землей, и разрешение на заселение его зависит от Горного Управления алтайскими заводами, которое до последнего времени считало заселение этого богатого края вредным, будто бы, для интересов Кабинета.

От описания центрального Алтая перейдем теперь к описанию его западной части. Из четырех притоков Оби, берущих начало в Алтае (Песчаная, Ануй, Чарыш, Алей), только Чарыш берет начало внутри Алтая, вблизи Канского плоскогорья; остальные три берут начало в северных предгорьях Алтая. Поэтому горная часть Чарыша длинна; она ограничена с одной стороны Талицкими и Башалацкими¹ белками, с другой – Коргонскими и Тигерецкими; это одна из прекрасных и плодороднейших долин Алтая, с оседлым населением из русских крестьян, которое, к сожалению, очень редко в верхней части долины по той же причине, как и в долине Катунь. Долина Чарыша разрезывает полосу северных предгорий Алтая на две различные по характеру половины. К востоку от Чарыша Алтай кончается крутым склоном, опушенным густой чернью, т. е. смесью лиственниц и елей, к которым на гребне

¹Ныне – Башчелакские. (Ред.)

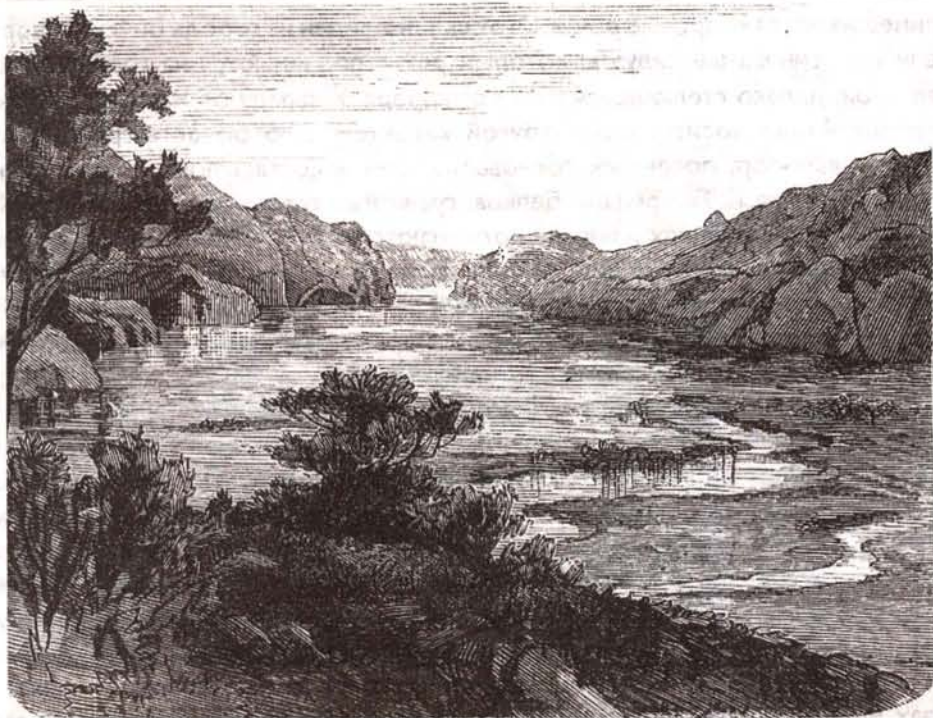

примешиваются кедровые рощи. Этот склон и виден из города Бийска в форме цепи гор, синеватые силуэты которых резко поднимаются на горизонте над равниной, далеко стелющейся к югу от города. К западу от Чарыша северная окраина Алтая носит совсем другой характер. Это область гранитных и порфировых гор, покрытых сосновым лесом и составляющих отдаленные отроги Холзуна и Тигирецких белков; гранитные гряды пересекают страну в различных направлениях и иногда поднимаются в виде отдельных значительных масс, вроде гор Синюхи (4 500 ф[утов]) и Ревнюхи (3 300 ф[утов]). Это самые высокие точки в этой стране. Они стоят, впрочем, на заднем плане, высывая вперед себя в равнину более мелкие многочисленные гряды, постепенно мельчающие и переходящие в гранитную степь.

Путешественник, приближающийся к этой части Алтая от Барнаула, синеву предгорий начинает различать уже от станции Белоглазовой; со следующей станции (Калмыцкие Мысы), за 70 верст от предгорий, он ясно начинает различать три ряда гор: ближайший ряд, состоящий из гор Вострухи и Игнатиhi; за ним поднимается более высокая Синюха, за которой виднеются еще более высокие Тигирецкие белки. Эта часть Алтая, густо населенная крестьянами, богата романтическими картинами, составленными из разорванных гранитных скал; нагота капризно нагроможденных глыб декорирована густой зеленью кустарников жимолости и диких роз; многолетние сосны, укрепясь корнями в пазах между глыбами, взбираются чуть не на вершину скалы, которая бывает часто покрыта сбегаящими вниз потоками белой, точно известковой жидкости, — знак, что скала служит наблюдательным пунктом для большой хищной птицы; массивность скал еще более смягчается висящими с карнизов и тихо колеблемыми ветром плетями крыжовника и ломоноса (*Clematis*), увешанного пучками серебряных прядей. В этой-то части Алтая находится знаменитое Колыванское озеро, которое было описано многими путешественниками и оригинальный вид которого часто встречается в учебниках геологии и физической географии.

Три большие западные долины, орошаемые реками Убой, Ульбой и Бухтармой, открываются к большой сибирской реке Иртышу. Уба, средняя по величине, по положению самая северная из этих долин. Начало ее лежит довольно глубоко внутри Алтая, и вершины реки сходятся частью с вершинами Чарыша, частью с вершинами р. Коксуна, текущего на восток, в Катунь. Верхняя половина течения проходит в дикой теснине, которую редко посещали путешественники; нижняя же половина просторна и сопровождается скалистыми горами почти до впадения реки Убы в Иртыш. Прекрасные места в нижней части долины, удобные для земледелия, давно привлекли в эту часть долины крестьянское население; в верхней же части ее, густо покрытой растительностью, рассеяно множество пасек.

Долина р. Ульбы более известна и описана, потому что была чаще посещаемая путешественниками, которых сюда привлекал научный интерес, связанный с существованием в ней богатого серебряного Риддерского рудника. Рудник лежит в

Вид Колыванского озера. Рис. Подбельского

верхней части долины, имеющий один удобный выход вниз по реке; в другие же, соседние с нею местности, ведут малодоступные горные тропинки, взбирающиеся на высокие, до 3 000 ф[утов] перевалы. С южной стороны котловины над нею возвышается Ивановский белок (6 768 фут[ов] над уровнем моря), на который риддерцы любят устраивать кавалькады, особенно если рудник посетит какой-нибудь важный путешественник.

Риддерский рудник – единственное большое селение в Алтае, которое так близко помещается к белкам, что в несколько часов горной езды кавалькада может достигнуть альпийских полей, на которых путешественник, вступающий в Алтай, впервые знакомится с альпийской флорой этого хребта. Поляны, покрывающие мягкие скаты белка, усеяны цветами синих горечавок, а где скат обнажается от дерновой подушки – каменные ступени его устилаются как бы лакированными широкими листьями бадана или мелкозазубренной листвою *Dryas octopetala*.

Ниже Риддерского рудника долина Ульбы суживается и особенно живописною становится ниже деревни Бутачихи; отвесные скалы упираются в воду; дорога местами искусственно прорвана в подошве отвесных утесов, бока которых картинно поросли цветущими исполинскими травами; ярко-синие султаны прикрыта (*Aconitum Lycopodium*), пурпуровые мясистые цветы яснеца

(*Dictamnus Fraxinella*), крупные лазоревые колокольчики аденофоры (*Adenophora liliifolia*) и розовые раструбистые цветы, нанизанные на косо поднимающиеся в воздух стебли мальвовых кустов, чередуются здесь между собою; к этому морю исполинских цветов нужно прибавить еще дикий пион (*Paeonia anomala*) с его пунцовыми цветами. Древесная растительность долины состоит из тополей, берез, осин, ив и черемухи, которые обращают ее в естественный парк. Ниже деревни Тарханской и горы Ульбинской долины начинают сглаживаться, но береговые утесы сопровождают реку с левой стороны почти до ее впадения в Иртыш, близ города Усть-Каменогорска.

Берег Колыванского озера. Рис. Подбельского

Третья большая западная долина в Алтае – Бухтарминская. Она имеет около 300 верст длины и по величине – вторая в Алтае после долины Катунь. Начало ее лежит у центрального плоскогорья Укэк, между двумя исполинами – Белухой и Куйтуном; нижний конец долины открывается в долину Иртыша, выше его прорыва между Алтаем и Калбой; урочище Чиндагатуй, находящиеся в восточном конце долины и прилегающее к подъему на плоскогорье Укэк, лежит на абсолютной высоте 6 195 ф[утов], крепость же Бухтарминская, при устье р. Бухтармы, – на высоте 1 301 ф[утов]. От этой разницы в высоте над уровнем моря происходит разнообразие в характере растительности и пейзажа, так что ни одна долина в Алтае не отличается такими контрастами, как долина Бухтармы. В восточной ее части путешественник видит себя среди разнообразных, часто величественных горных видов; горные скаты, покрытые лиственничным лесом, террасы с густой и высокой травой, в которой скрывается

человек, быстрые горные реки, через которые опасно переходить вброд, водопады, живописные озера, окруженные горами, и нередко над всем этим сверкающая на солнце снежная вершина Белухи – вот черты, из которых слагаются картины в верхней части Бухтарминской долины, вместо безлесных гор и террас со степной, низкорослой и к середине лета выгорающей травой, чем характеризуется западная часть этой же долины.

Река Бухтарма составляется из трех истоков; самый значительный – южный – называется Белой Бухтармой и вытекает из горы Куйтун; средний называется Чиндагатуй, северный – просто Бухтармой; два последние вытекают из озер, окруженных каменными болотами. Белая Бухтарма до соединения с двумя другими реками быстро несется в глубокой долине, покрытой хвойным лесом, усиливаясь на пути множеством притоков, которые изливаются в нее с соседних белков; дно долины завалено громадными гранитными валунами, через которые вода скатывается в виде каскадов и водопадов; так как дорога по Бухтарминской долине на плоскогорье Укэк (и далее в Кобдо) проходит по южной стороне ее, то Белая Бухтарма, пересекающая долину с юга на север, представляет самое важное затруднение к развитию торговых сношений по этой дороге; недавно на ней был выстроен мост, но река, говорят, успела уже разрушить его. Места, окружающие урочище Чиндагатуй, где сливаются три реки, безводны, только вниз от Чиндагатуя начинаются зимовки киргизов, русские же оседлые поселения начинаются с устья Берели, где в последние годы возникла деревня. Долина Берели служит лучшим путем из долины Бухтармы к горе Белухе и Берельскому леднику. Если смотреть на Белуху с юга, то есть из долины Бухтармы, она представляется в виде двух остроконечных шпичей и рогов, разделенных между собою горизонтальным гребнем. Не только эти два шпича, но и разделяющий их гребень выше всех окружающих измеренных вершин Алтая, так что Геблер, единственный ученый, посетивший Белуху, полагает, что высота их достигает 11 000 футов. С Белухи скатываются два ледника, один в долину Берели, другой – в долину Катуня.

К Берельскому леднику дорога идет от Коксунского озера. От озера едут к речке Проездной. С высокого перевала, лежащего в вершинах р. Проездной, путник в первый раз видит две вершины Белухи, в виде двух сахарных голов ослепительной белизны. Отсюда идет очень крутой спуск в долину р. Берели; когда спуск, покрытый коряжником и лесом, кончается, перед вами открывается долина, по которой мчится река илисто-молочного цвета, до 5 сажен ширины. Выехав к реке, нужно ехать вверх по ее правому берегу, подле которого проходит узкий хребет, отделяющий долину Берели от долины Катуня. Склон его покрыт богатой травянистой растительностью; тут попадает много крупных фиалок и астр; многочисленные ручьи с шумом катятся в Берель; в траве протоптаны дорожки медведями, которых здесь множество. Если подняться на вершину этого хребта, то можно увидеть долину реки Катуня с ее ледником и с двуконечной Белухой в верхнем конце его. В зрительную трубу отсюда можно

видеть различные подробности, как, наприм., осыпи снега около ледопадов и снежные пропасти, кажущиеся отсюда небольшими углублениями на снежном поле.

Дальнейшая дорога берегом Берели становится более и более затруднительною; путь делается каменистым и местами лесистым, ветви хлещут по лицу, лошади спотыкаются о камни; так приходится ехать до речки, которая впадает в Берель слева, вырываясь из ущелья. Далее дорога становится ровнее. Приближаясь к вершинам Берели, видишь прежде всего гигантскую морену. Она представляется в виде вала сажен до 10 высоты; Берель пробивает путь через нее. Выше над валом лежит темный и грязный ледник; снег и остатки лавин лежат по бокам ледника. Ледник имеет здесь северо-западное направление. Позади старой морены выходят два глетчера из ущелий с правой и левой стороны, сопровождаемые боковыми моренами, и потом соединяются в один; посредине соединенного ледника проходит средняя морена в виде огромной насыпи. С правой стороны ледника, между ним и боком ущелья, есть промежуток, которым и проходит дорога; отсюда ледник представляется в боковом фасаде. Конечная морена окаймляет ледник полукругом; ледник почти до половины длины покрыт камнями и дресвой серого цвета хлоритового сланца; на нем видны трещины по направлению движения и, обыкновенно, характеристические полосы, идущие дугами по снеговой его поверхности, выражая собою разность скорости движения у краев и на середине. Там, где долина суживается до того, что ледник занимает всю ширину ее дна, не оставляя промежутков между своим телом и боками долины, в главный ледник справа впадают три побочных ледника, ви-сящих между тремя скалами. Главный ледник идет отсюда на северо-запад, прилегая одним своим боком к хребту, который разделяет долины Берели и Катуня; с этого хребта немало боковых ледников и ледопадов упадают в главный ледник; вершина хребта обильно покрыта снегом, который местами навис над скалами в виде шапок.

Чтобы отсюда попасть на восточную ветвь Берельского ледника, нужно пересечь ряд холмов, разделяющих их; боковая морена, на которую спускаемся с этих холмов, состоит из острых камней или глыб, нагроможденных в том же беспорядке, как это бывает с глыбами льда по берегам рек во время ледоходов; из морены высовываются глыбы в 2 сажени длины. Если пройти сажен десять по щебню и камням, покрывающим ледник, то становится слышен гул ручьев, которые работают где-то в леднике. Сажень 30 еще далее поверхность ледника менее усеяна камнями, подо льдом слышно журчанье ручья. Поверхность глетчера грязная, но где она изрыта руслом стекающей воды, видно строение ледника: он состоит из чистого льда, прорезываемого белыми полосами. Глубина рытвин во льду, сделанных ручьями, до 2 сажен. Вода в ручьях мутная, потому что пробегает по дресве и молотой пыли морены. Ледник постоянно подтаивает, и с морены с глухим гулом падают камешки. Вдали же раздаются более зловещие и устрашающие гулы низвергающихся на ледник глыб. Еще далее, в том же направлении, ледник становится все более обнаженным и появ-

ляются громадные трещины и промоины, в которых рокошет вода. Встречаются трещины аршина в два шириной и до 5 сажен глубиной, как будто проникающие ледник до дна. На глубине трещины лед получает голубой оттенок. Подойдя к этой зияющей ледяной бездне, внутри которой сверкают небесно-голубые своды, нельзя, несмотря на чувство опасения, не испытать восторга перед явлением, которого так жадно и с опасностью жизни ищут альпийские путешественники. В этой же области ледника находятся огромные колодцы, *moulins*, куда падают обильно альпийские ручьи и низвергаются с шумом камни.

Для того чтобы из долины Берели попасть в долину Катунь, нужно перевалить через разделяющий их хребет. Версты за две до ледника с гор открывается свободный вид на верхнюю часть Катунской долины. Катунь вьется белою лентою, с мутными от песка морен водами, сажени 4 шириной. Обе белоснежные вершины Белухи, так называемые Катунские столбы, как и ледяное море, спустившееся в долину, видны во всей их красоте. Вершины Белухи соединяются поперечным хребтом, как бы мостом, покрытым снегом; с этого хребта спускаются глетчеры. От поперечного хребта отделяется огромная стеновидная скала, как перегородка, разделяющая ледник на два потока. По сторонам этой стены глетчер выходит двумя воротами при весьма крутом падении, образуя огромные ледопады. Ниже ледник принимает менее отвесное падение, образуя ледяное поле, раскинутое по долине. Это – огромное, от 300 до 400 саж[ен] ширины, *mer de glace* сибирского Монблана. Издали уже на нем видны резко обозначившиеся четыре морены – две средних и две крайних, – которые, рассыпавшись по нижней части ледника, покрывают его грязным налетом; у подножия ледника лежат гигантские насыпи старых морен. Обогнув с запада поперечный скалистый гребень, лежащий на левом боку, ледник падает двумя рукавами, протискиваясь среди скал; из-за западного шпиля выходит боковой глетчер с крутым ледопадом и огромными моренами; движение этого-то бокового глетчера и образовало одну из средних морен, тогда как другая морена образована соединением восточного и западного ледников. Все-го, стоя на горе, можно насчитать до шести рукавов, снабжающих главный ледник.

Приближаясь к леднику с нижней части долины Катунь, прежде всего встречаешь впереди конечной морены, сажени за 20, холм в 6 саж[ен] высоты, состоящий из камней и щебня, подобно острову отдельно стоящий на дне долины Катунь. Холм этот показывает, что когда-то Катунский глетчер был гораздо длиннее; по догадке ученого Геблера, этот холм – остаток смытой старой морены; эта догадка имеет вероятие, так как с левой стороны холма проходит теперь Катунь, с правой же видны следы старых потоков: два потока, по-видимому, размывали старую морену и оставили несмытою только ее середину. Впереди новой конечной морены находятся подобные же насыпи, среди которых имеются разрывы. Пройдя ряд этих старых морен, поднимаешься на позднейший вал, покрытый щебнем, осколками и глыбами острых камней. Под ними обнаруживается мощь ледника сажени в пятнадцать толщиной;

размытый и растрескавшийся местами, он представляет массы льда, перемешанные с грязью и обломками камней. Повсюду журчат ручьи, в которые по временам с шумом сваливаются камни и целые глыбы; осколки льда, свалившиеся от подмывания, скопляются при конце ледника и медленно тают, отчего тут образуются грязь и насыпи вытаявшего мусора. Таяние изборозило конец ледника самыми причудливыми пещерами, сводами, холмами. Пройдя несколько шагов по насыпям и оторванным глыбам, достигаешь ледяного грота, из которого вытекает Катунь. Без восхищения нельзя смотреть на эту оригинальную картину. Вид этого отверстия изменяется по временам года. Этот живописный исток Катунь из ледника находится в 200 саж[нях] от начала морен. В другое время года, по словам туземцев-охотников, над Катунью бывает такая глубокая ледяная пещера, что в нее заходят табуны маралов. Другая ветвь Катунь пробивает себе дорогу сверх ледника через трещину и низвергается в пропасть каскадом, несущимся по льду.

Выше истока Катунь из ледника поверхность его едва прикрыта легким слоем щебня и гальки; по длине его идут промоины и трещины до $\frac{3}{4}$ аршина ширины; в глубине их бегут ручьи. Ячеистый, мутный, снеговидный цвет льда здесь начинает изменяться. Лед в трещинах принимает темно-зеленоватый оттенок. Края трещин ровны, но прорез вглубь косвенный. В глубине трещин лежат камни. Сажень в 300 от конца ледника показывается чистое снежное поле, покрытое ледяными столами, т. е. камнями, лежащими на высоких ледяных подставках, которые находятся здесь во множестве; они наклонены в большинстве случаев на юго-восток; южная сторона их всегда открывает чистую ледяную подставку, тогда как северная покрыта большею частью щебнем и камнями. На поверхности ледника струится множество ручьев с температурой около 0°.

Повсеместно происходит таяние, местами среди снега стоят резервуары воды. На расстоянии 500 сажень от конца ледник принимает волнообразный вид, изрытый трещинами, имеющими косвенное направление; трещины эти имеют от пол-аршина до сажени ширины. На дне их видны глыбы камней, вода же здесь находится в спокойном состоянии, как в озерах. Цвет льда в трещинах зеленоватый. Такой волнообразный и выпуклый вид ледник сохраняет на протяжении 4 верст до нижнего конца ледяного моря, *mer de glace*, от которого до вершин Белухи остается еще две версты. Восточный рог отсюда кажется несколько овальнее и ниже, на нем видны утесистые обрывы, на которых не может держаться снег и происходят снежные обвалы. Западный представляется чистым снежным конусом; снег, спускаясь с вершины, имеет местами поперечные разрывы. На склонах выступают острые скалы, между которыми глетчер пробивается «ледяною змеею». От двух рогов Белухи ледник идет тремя рукавами, представляя до слития с главным руслом у гребня множество ледопадов. Падение их представляет неправильные ступени и ребра причудливо нагроможденного снега и льда; они кажутся белоснежными сверху и на боках окрашиваются зеленоватыми оттенками. Целые столбы, башни, пирамиды

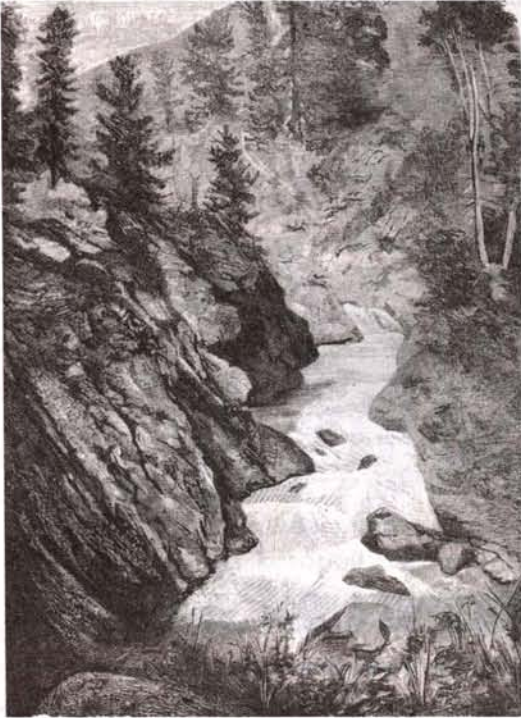

громоздятся здесь. Эти гигантские постройки иногда висят на склонах и временами падают с потрясающим шумом; ледник оглашается тогда точно пушечным выстрелом; временами слышны глухие раскаты отдаленных лавин, к которым присоединяются звуки от падающих в трещины камней.

Ниже Берели природа в долине Бухтармы приветливее, суровый климат сменяется теплым, дожди и град, которые часто падают на высоких горах, реже, и долина становится удобною для хлебопашества. Впрочем, подле реки поселения начали основываться только после 1869 года, когда эти места вошли в состав империи. Ранее часть Бухтарминской долины, от вершины до Чингистая, принадлежала Китаю, и здесь проходила только линия монгольских караулов. С присоединением края к России стали здесь заводить русские казацкие и крестьянские селения. На правом же берегу Бухтармы, в многочисленных, сильно разветвленных долинах южного склона Холзуна, издавна жили так называемые каменщики, т. е. беглые переселенцы, укрывавшиеся в скалистых местностях — камнях, поселившиеся здесь в XVIII веке многими деревнями. Характер лесистых гор и травянистых террас сохраняется до Чингистая; к западу отсюда долина Бухтармы, ограниченная двумя высокими хребтами, одним (Холзун), идущим от Белухи, другим — от Куйтуна, расширяется и становится степною.

Нам остается сказать несколько слов о восточной части Алтая. Об ней очень мало известно, потому что очень немногие путешественники посещали этот малодоступный и дикий край, покрытый дремучей чернью. Эта малодоступность обуславливается частью густотой лесов, частью крутизной гор; долины здесь по большей части сдавлены отвесными скалами, с которых нередко изливаются живописные водопады; реки пересечены порогами; на горных скатах, куда сворачивает путешественник, чтоб обойти недоступную часть речной долины, его встречают другие препятствия — лесная чаща, засоренная буреломом, или каменное болото.

Главный кряж проходит по восточной окраине страны и отделяет вершины притоков Телецкого озера от системы Кемчика; высокие и труднопроходимые перевалы ведут из одной системы в другую; самый южный перевал, Шайшал (10 564 фут[ов] над уровнем моря), лежит к северу от озера Джувлу-Куль; севернее его лежит проход Косер, а еще севернее — третий перевал в вершинах реки Чульчи; последний удобнее других, и по нему ездят бийские торговцы с товарами в долину Кемчика. Первые два перевала менее доступны; здесь всадники принуждены по обледенелым глыбам карабкаться на крутую гору; в вершинах Чульчи дорога проходит по гористой местности, усеянной озерами: Иты-Коль, Джилдис-Коль (озеро звезд), Чери-Коль и Кара-Коль. На всем пространстве от Шайшала до Иты-Коля местность представляется неприятной и холодной; путь подле западного склона кряжа, о котором только и имеются известия, потому что на восточном склоне еще никто не был из путешественников, жмется к гребню кряжа, так как при подошве расстилаются болота и путешествие затрудняется свалившимися с гребня глыбами гранита и сиенита. Где эти глыбы сменяются глинистой почвой и поверхность становится

Вид долины Катунь в верхнем течении.

Рис. Дмоховского

ровнее – опять не радость путешественнику, потому что здесь ему приходится вязнуть в болоте, которое издали уже узнается по зарослям карликовой березы (*Betula nana*); растительность здесь скудна; изредка только путника обрадует заросль бадана (*Saxifraga crassifolia*) или лапчатки (*Potentilla anserina*).

Страна между этим кряжем и долиной р. Катунь представляет три большие долины рек: Башкауса, Чулышмана и Чульчи; эти реки соединяются на севере и впадают общим руслом в Телецкое озеро. Все три долины отличаются малодоступностью; Чулышман берет начало из озера Джувлу-Куль и течет сначала по ровной местности, но берега его здесь недоступны вследствие окружающих болот; вскоре затем он вступает в щеки (скалы), за которыми следует расширение долины; за ним река снова скрывается в щеках, и только к самому устью долина снова несколько раскрывается. Доступнее окрестности верхних частей Башкауса, они окружены пологими скатами гор; аллювиальная долина реки здесь тоже широка, поэтому долина Башкауса представляет хорошее место для пастбищ теленгутов, которые проводят здесь зиму, переходя с летних кочевьев по Чуе; попасть однако в эту местность трудно – с Чуи приходится переваливать через высокие горы с снежными вершинами и озерами, покрытыми льдом круглый год (еще неприступнее местность, отделяющая Башкаус от долины Катунь, вследствие крутизны и скалистости проходящих тут гор), а выход вниз по долине совсем немислим, потому что

Вид восточной бухты Телецкого озера. Рис. Адамова

здесь река на протяжении 40 верст течет между двумя отвесными стенами, с которых падают живописные штауббахи; один из таких водопадов видел известный наш путешественник, ботаник Бунге.

Река Чулышман, приняв в себя Чульчу и Башкаус, изливается в южный конец Телецкого озера; озеро это имеет 175 в[ерст] длины; озеро в самом широком месте достигает 6 верст; берега озера живописны не менее берегов озера четырех кантонов (Фирвальштетского) в Швейцарии; они состоят из скал, то отвесно падающих над водой, то далеко вдающихся внутрь озера длинными (около версты) мысами; скалы преимущественно состоят из сланцев, пласты которых поставлены отвесно; западный берег круче восточного, особенно в южной части озера, где сланец сменяется гранитом; мелкие речки, струящиеся в озеро, часто ниспадают со скал водопадами; на восточной стороне путешественник Гельмерсен, посетивший озеро в 1834 году, видел три водопада: Ишта, Аюкечнес и Аталыш, на западной – два: Агачка и Аюкечнес. Хвойный лес из елей и лиственниц, покрывающий своей щетиной крутые хребты мысов, увеличивает угрюмый характер картины озера, особенно в его северной суженной части; в южной половине, где озеро шире, вид его приветливее и ландшафт просторнее; на заднем плане показывается вершина белка Алтын-Тау; темный цвет воды сменяется зеленым; вода здесь, не загороженная скалами, нагревается сильнее; животной жизни более; стаи птиц по берегам виднеются чаще. Берега озера мало населены, а западный берег вследствие своей неприступности вовсе не населен; только на северном и южном берегу да в

южной части восточного берега обитают кочевники; в нижней части Чулышмана производится земледелие: возделываются не только ячмень, но даже пшеница и табак; оседлых поселений на Телецком озере вовсе нет.

Северный конец озера загибается на запад и суживается; течение, которое заметно вдоль всего озера, усиливается, и озеро постепенно превращается в реку Бию, которая, на протяжении первых 30 верст до местечка Кебезень, течет в теснине, сначала между отвесными стенами из сланцев, а потом между высокими гранитными горами; здесь плавание по реке затрудняется четырьмя порогами; лодки, поднимающиеся вверх по реке, проводят обыкновенно пустыми, а люди едут горой; дорога, поднимающаяся на горы до высоты, на которой уже встречаются сухие деревья, местами спускается опять в долину и здесь иногда проходит по карнизу, на два фута залитому водой. Ближе к первому русскому селению Сандып, в 90 верстах от Бийска, горы превращаются в невысокие береговые утесы; от этого селения река течет в мягких берегах; отсюда же она становится судоходною. Близ города Бийска река соединяется с Катунью.

Город Бийск расположен на правом берегу Бии; с одной стороны города протекает река, за которой расстилается песчаная равнина, перерезанная рощами низкорослых елей, с другой – он окружен высоким песчаным увалом. В Бийске считается 6 000 жителей; в последнее время этот город начал возрастать – в него переселяется ежегодно значительное число крестьянских семей из великорусских губерний. Постройки в нем почти исключительно деревянные; в последнее время, однако, город начал украшаться: выстроен новый каменный собор, городское каменное училище и больница. Городское училище, впрочем, своей архитектурой скорее напоминает мучной лабаз, чем храм просвещения, и тем как бы свидетельствует, что верхний слой городского общества, преимущественно состоящий из купцов, исключительно погружен в торгашеские дела и к делу просвещения относится равнодушно. Училище плохо снабжено книгами, коллекций нет; общественной библиотеки в городе также не существует. Единственное развлечение городских жителей в зимние вечера – игра в карты.

Северные предгорья Алтая, между Катунью и Иртышом, окружены степью; здесь зимой лежит неглубокий снег, а летом дожди и росы выпадают редко; степь покрыта низкорослой травой, которая в половине лета представляется уже погорелой. Совсем другие климатические условия характеризуют глубокие долины Алтая. Зимой они бывают завалены глубоким снегом; лето отличается дождливостью и обилием рос; это вызывает на склонах гор богатую как древесную, так и травяную растительность. Распределение лесов здесь зависит от совокупности нескольких условий: высоты над уровнем моря, положения и крутизны склона. Нижние части долин, открывающихся в сибирскую низменность, поросли лиственным редняком, в верхних же частях долин появляется чернь, т. е. смесь елей, лиственниц и кедра. Настоящая чернь раскинулась по правому берегу Катунь, вокруг Телецкого озера и к северо-вос-

току от него, в западном же Алтае она встречается только узкими полосами; она покрывает северные скаты окраинных белков вроде Семинского, Ануйских, Коргонских и Тигерецких, а внутри Алтая только северные склоны самых высоких белков; скаты же других гор, окружающих плоскогорья внутреннего Алтая, покрыты таким же редким листвяком, как и в нижних долинах. Алтайские инородцы называют чернь – «джиш», а плоскогорье с его лиственничным редняком – «тайга»; следовательно под эти именем здесь разумеется как раз противоположное тому, что под тайгой разумеют в более восточной Сибири, около Томска и в Енисейской губернии.

Такое распределение лесов дает нам повод отличать на отдельных хребтах Алтая три яруса: нижний ярус лиственничных лесов, средний ярус черни и верхний ярус белков и высоких плоскогорий, поднимающихся выше предельной линии. Удобствами к оседлой жизни отличается только нижний ярус; здесь-то и приютился крестьянин со своей сохой. Ландшафт в этом горизонте обыкновенно имеет такой вид: на первом плане – дно долины, по которому там и сям сверкает река; в других местах течение реки обозначается полосой леса из берез, черемухи, гороховника, боярышника, бузины, калины и жимолости. Бока ландшафта составляют скаты гор, в которых видны врезанные в них вертикально нисбегающие лога, опушенные черемухой, бузиной, гороховником и другими кустарниками; впереди эти бока долины сближаются, но нередко не замыкают собою картины, а оставляют открытым вид на отдаленные, покрытые уже чернью горы, из-за которых иногда выглядывает ослепительно белая вершина белка. Пробуждение растительности в этих местах открывается на горных склонах кандыком, а на глинистых обрывах – желтыми шапочками на голых стволиках мать-и-мачехи (*Tussilago farfara*).

Едва только снежный пласт подтает и делается тонким, как его уже проклевывает своим бутонем первое лилейное растение – кандык (*Erythronium dens canis*); обратившись своим раструбом вниз, цветок заворачивает свои лепестки вверх, как поля китайской шляпы; около стебелька образуется круглая проталинка. На обнажившихся от снега гривах появляется ветренка (*Pulsatilla patens*), с ее красивыми голубовато-лиловыми цветами, а у подошвы скал, на щебне, смешанном с глиной, – желтые головки цветов, которые местные жители называют гнилыми кореньями (*Corydalis*), потому что корни их как будто гниют и источены червями. Вербка и медунка (*Pulmonaria officinalis*) дают уже богатую пищу пчелам. В начале мая луга бывают покрыты ярко-оранжевыми полосами красивых цветов купальницы (*Trollius altaicus*), имеющих форму небольших розанов, которыми крестьянские девушки в Алтае любят украшать свои головы, когда водят хороводы.

На горных скатах в это время местами видны вертикально спускающиеся белые полосы – это лога, курчавый лес которых осыпан ароматическими белыми цветами черемухи. К концу мая другой кустарник, гороховник, покрывается желтыми цветами. К концу июня и в начале июля начинают цвести

растения, отличающиеся своим ростом; кипрей (*Epilobium spicatum*) цветет по пустошам (старым пашням) и по лугам, заливая их малиновым цветом; возле речек, близ кустов черемухи и гороховника, уже отцветших, появляются пахучие букеты белоголовника (*Spiraea*), длинные цветоносы прикрита (*Aconitum Lycostonum*), усыпанные синими цветами, а на крутых косогорах, как вежи, поднимаются царские свечи (*Verbascum Thapsus*) с толстыми, усыпанными желтыми пахучими цветками наконечниками; здесь же с половины лета зацветают кусты золотарника (*Potentilla frutescens*), осыпаясь и вновь набирая цветы непрерывно в продолжение всей второй половины лета; на северных скатах гор, на мягкой почве вырастают высокие стебли сараны (*Lilium Martaaugen*); где мягкая почва прилегает к камням, она устилается широкими кожистыми и блестящими листьями бадана (*Saxifraga crassifolia*), которые местные жители собирают и употребляют вместо чайных листьев; высокоствольный лук (*Allium fistulosum*) гнездится на неприступных скалах, а *Echinops sphaeracephalus* со своими синими колючими мячиками располагается на сухом и голом каменистом мусоре, намытом на скате весенним ручьем. Ближе к черни трава становится еще роскошнее и выше: всадники, едущие по неизмятой траве, видят друг у друга только головы и плечи; особенно высоки бывают стволы некоторых зонтичных и сложноцветных, а также прикрита, синие цветоносы которого поднимаются выше головы всадника. Замечательно, что этим ростом удивляют те же виды растений, которые растут и в Европе. Другой вид представляет чернь; деревья здесь растут такой чащей, что открытых видов не представляется; хотя нижние части древесных стволов от глухоты леса голы, без ветвей и хвои, но представляющийся путнику вид ограничивается небольшим участком внутренности леса; он видит перед собой только частокол из голых стволов да валежник, лежащий в хаотическом беспорядке; высокие стволы, отломленные от корня, лежат своими вершинами на ветвях соседних деревьев в разнообразных направлениях; другие лежат на земле, до половины уже вросшие в почву и покрытые сверху мхом; от иных остались только обломки гнилья, свидетельствующие о направлении, в котором лежала лесина. Зелени здесь не видно: под ногами кругом коричневый мох;верху сухие сучья, с которых висят бледно-зеленые бороды чихрицы (*Usnea barbata*). Где скат горы круче, почва становится доступнее для солнечных лучей, и здесь под камнями гнездятся кустарники черной и красной смородины; если же он еще круче, так что лес на нем редее, он покрывается заростью альпийских роз (*Rhododendron davuricum*); с подобных круч открывается вид на окружающие горы; гребни гор, покрытые щетиной хвойного леса, как будто хребты огромных свиней, тянутся под ногами зрителя один за другим.

Долины альпийских рек изобилуют огромными обломками скал; многие из них имеют причудливую, фантастическую форму и поражают своими размерами. Суеверие простонародья придало этим гигантам название заколдованных.

На верхней окраине черни лес становится реже; ель и кедр остаются внизу, а на горы поднимается только лиственница; последние ряды деревьев распре-

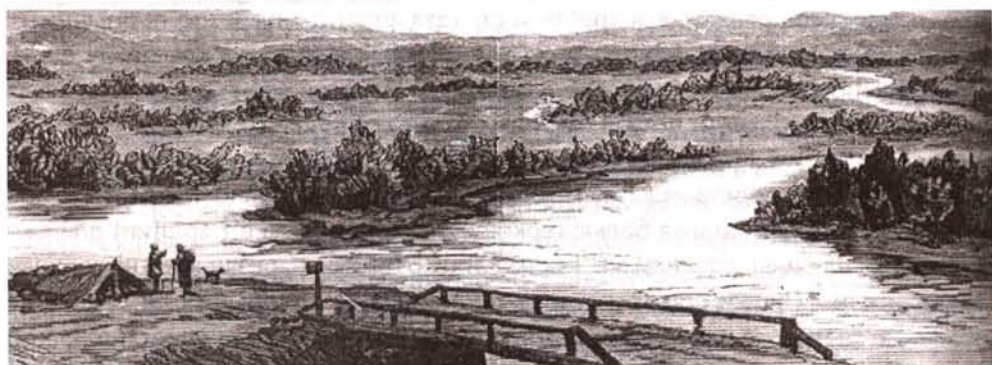

делились враспынную и состоят по большей части из сухих стволов; у этой окраины леса начинаются поля, покрытые альпийской растительностью; пологие скаты покрываются здесь мягкой толстой подушкой из корней альпийских трав; из полосы лесов сюда еще тянутся зарости можжевельника, карликовая береза (*Betula nana*), золотарник (*Potentilla fruticosa*) и *Dryas octopetala*; на скалах встречается кустарник сибирского барбариса, имеющего не более 2 футов высоты; альпийская фиалка (*Viola altaica*) покрывает альпийские поля в таком количестве, что придает издали господствующий цвет поверхности горы; альпийский желтый мак (*Paraver nudicaule*), бледно-желтая горечавка (*Gentiana altaica*) и другие цветы, свойственные только этим высотам, украшают собою мягкие скаты горы; к ним присоединяются из растущих ниже: герань (*Geranium pratense*) и прикрит, но только оба эти растения являются карликами сравнительно с своими собратьями, живущими в глубоких долинах: прикрит немного выше фута, а герань бывает меньше четверти. Подле тающих снегов зацветает первым алтайский лютик (*Ranunculus altaicus*), чашечка которого густо покрыта рыжими волосками. Здесь можно видеть, как эти растения легко уживаются с холодом и бурями, свойственными этим высотам; падающий здесь нередко в середине лета снег заваливает эти цветы, не вредя им: после того как снег стаёт, они продолжают цвести по-прежнему; не мешают им доканчивать свое цветение и кусочки льда, в которые обращаются капли воды, скопившиеся в цветочной чашечке.

Сообразно распадению Алтая на горизонты распадается и промыслы алтайского крестьянина. В теплых долинах жители занимаются земледелием и пчеловодством, в чернь и на ее верхнюю окраину крестьяне идут для сбора кедровых орехов и на звериный промысел.

Сбор кедровых орехов бывает в августе. Еще с осени предыдущего года делаются предсказания об урожае ореха, потому что осенью, когда сбивают орехи, на кедрах уже есть маленькие шишки, которые должны поспеть в будущую осень; эти молодые шишки называются «озимью». Урожай орехов бывает не каждый год, иногда случаются промежутки по девяти лет, когда не бывает вовсе орехов. С нетерпением алтайские жители ждут августа месяца; сначала какой-нибудь охотник за косулями¹, возвратясь из черни, привезет до десятка шишек, которые во мгновение разойдутся по его родным и знакомым, а молва, что шишки поспели, — по всей деревне; в ближайшее воскресенье мужчины одеваются в платье из замши диких коз — потому что всякое другое раздражается о сухие ветви деревьев, — на шею вешаются бойки, т. е. рябиновые палки для сколачивания шишек, запасаются переметными сумками и мешками, садятся на лошадей и отправляются в чернь; в деревне остаются только женщины, старики и дети. К вечеру мужчины возвращаются из черни с полными мешками и шишки распространяются по всей деревне; на всех завалинах щелкают орехи;

¹ У автора — «козуля». (Ред.)

Соединение рек Оби, Бии и Катунь.

Рис. Н. Каразина

мальчишки, отправляясь на игры в поле, запасаются шишками; улицы покрываются скорлупой и чешуей шишек, как красной скорлупой яиц в Пасху. Так бывает в деревнях, ближайших к черни; но скоро весть, что уже ездили за орехами, распространяется и по отдаленным деревням, и тогда крестьяне спешат в Алтай из-за нескольких сот верст. Они проводят в черни целые недели и вывозят орехи караванами. Кедровники оживляются, повсюду слышен людской говор, шум, стук срубаемых ветвей и даже целых кедров; смех, шалости, песни наполняют угрюмую чернь; так много собирается кедровщиков, что стан от стана располагается недалеко, и партии во время сбора встречаются между собою.

Кедры бывают, смотря по почве, или коряжистые и низкие, или высокие и прямые; первые удобнее потому, что сучья начинаются с самого низу; но на прямые, «кандовые» кедры нельзя подняться без лестницы. Промышленник срубаёт поблизости молодую ель или пихту и ставит ее к стволу кедра так, чтоб верхушка ее доставала до нижних сучьев; по ней он лезет вверх с бойком, висящим на шее. Добравшись до первых плодоносных ветвей, промышленник усаживается на сучья и колотит по концам ветвей, на которых сидят шишки по три, четыре и более вместе. Лазить по высоким кедром тяжело, и записные охотники теряют здоровье на этом промысле. Лазить по деревьям здешний житель приучается с детства, и потому между ними есть большие искусники в этом деле: если нужно перейти на соседнюю лесину, то, чтоб не спускаться снова на землю, промышленник раскачивает ветвь, на которой стоит, и когда она приблизится к соседнему дереву, перескакивает на него. Крестьяне ближайших деревень увозят шишки в деревню в тот же вечер и готовят их дома для продажи; крестьяне же отдаленных деревень делают это в лесу.

Шишки складываются в кучу, в которой они преют; это делается для того, чтоб орехи лучше отстали от покрывающей их чешуи. Благовонный пар, поднимающийся от таких куч, привлекает к ним по ночам медведя, который любит лакомиться орехами и сам лазит за ними на деревья; видя промышленников, спящих около кучи, зверь не решается подойти к ней и целую ночь проводит

около приманки, расхаживая кругом и страдая аппетитом; наутро промышленники бывают удивлены, находя тропинку, которая вытоптана кругом их стана. При большом сборе делают сруб и орехи оставляют в черни до зимы, и тогда случается, что хозяевам достанутся одни только объедки от медведя, наткнувшегося на орехи. После выпарки, когда орехи ослабнут в своих гнездах, их вылушивают посредством катка и терки. Первый совершенно такой же, какой употребляется для катанья белья; теркой называется доска в 1 арш[ин] длины и 2 четверти ширины, с такими же, как на катке, рубцами, нарезанными на верхней поверхности. Шишки ставят на терку теми концами, которыми они сидели на ножке, а спелые – как-нибудь; потом бьют по ним катком и растирают по терке. Когда таким способом шишки разбиты, то, чтобы отделить орехи от чешуи, употребляют ночовки или полукруглые лукошки; ночовку наполняют разбитыми шишками и трясут ее, придерживая один край ниже другого; орехи скатываются к одному броку, тогда чешую сгребают сверху и сбрасывают, а орехи ссыпают в полог; после того орехи еще веют, как хлеб, и сушат, для продажи – на воздухе, а для себя – в корчагах в печи. Купцы, заготавливающие для продажи большие массы орехов, устраивают для сушки их овины в черни.

Значительное количество орехов из Алтая поступает в продажу; центром этой торговли служит Бийск, где в урожайный год ссыпается до ста тысяч пудов кедровых орехов, а в неурожайный – до тридцати тысяч пудов. Орех из черни вверх по Бии и по Телецкому озеру считается вкуснее и крупнее того ореха, который собирается в Алтае между Бийском и Усть-Каменогорском. С Телецкого озера орехи вывозятся по дороге, которая идет из Кебезеня (местность на Бии в 30 в[ерстах] от ее устья) на Улалу (на Катунь). Из Бийска орехи отправляются гужом на Ирбитскую ярмарку. Осенью 1877 года промышленники сдавали орехи по 1 руб. с пуда.

Звериный промысел в Алтае состоит в ловле соболей и охоте за козами (*Cervus capreolus*), маралами (*Cervus Elaphus*) и лосями (*Cervus Alces*). На соболиный промысел отправляются осенью с Воздвиженья (14 сентября) и ловят соболей кулемником; зимой же ходят на гоны и промышленяют капканами, расставляя их на дорожках соболей. Места, где производится соболиный промысел, лежат на верхней окраине черни под белками; поэтому соболевщики принуждены уходить за сто и более верст от своих жилищ и оставаться в пустыне несколько месяцев. Съестной запас на некоторое расстояние подвозят на лошади, а потом тащат на себе, сложивши его на маралью шкуру, положенную шерстью вниз. На горах соболевщики имеют постоянные избышки, устройство которых очень упрощено. Вход в избу запирается дверью, вертящеюся на пяте; внутри ее у стены битая печь без чувала, потому что такая печь жарче нагревает избу и скорее сушит одежду, вымоченную на промысле; для выхода дыма сделана в стене отдушина, затыкаемая травой; кроме того, в стене прорубается окно или два, по числу артельщиков, чтобы в ненастье, когда

бывает скучно, каждый мог сидеть у своего окна и смотреть по крайней мере на лес; для спанья около стен делаются нары; один угол избы рубят над ключом, чтоб можно было брать воду, не выходя из избы; это потому необходимо делать, что зимой ключи в черни бывают завалены глубоким снегом и текут под ледяной корой. Избу звероловов заносит слоем снега в несколько сажен толщины, и потому обитаемое место едва можно признать снаружи по куче рубленых дров и по «сайве», или амбару, висящему на вершинах нескольких деревьев. Отдельно от избы промышленники рубят баню по-черному, в которую ходят каждую неделю, но белья не переменяют и по восьми и девяти недель ходят в одной рубахе, так что домой приносят одни ворота. Съестные припасы хранятся в сайве, которая устраивается следующим образом. На четыре близко стоящие друг к другу ветвистые деревья кладут две слепи и на них настилают полати; сверху полати закрываются двускатной крышей; чтоб достать что-нибудь из сайвы, к ней приставляют лестницу, выдвигают снизу одну доску и просовывают голову и руки в образовавшееся отверстие. Сайва устраивается на высоте семи аршин над поверхностью снега; хотя медведь или россомаха и могут с трудом залезть по деревьям на эту высоту, но так как концы сайвы далеко пропущены в сторону, то хищники не могут закинуть лапы, чтоб перелезть на верхнюю сторону сайвы. В сайве делают закромок для муки, а также хранят маралье мясо, убитую птицу, масло, лук и прочую провизию. Иногда здесь же хранится найденный в черни мед диких пчел. Утварь соболевщиков состоит из кадушек, квашенок для теста, сита, чугунок для щей, сковороды для жаркого и горшка, в котором заводят квас. Кухня звероловов на белках бывает довольно разнообразна. Из привезенной с долины муки они пекут хлебы; кроме того, они всегда бывают богаты дичью, бьют маралов и лосей и лакомятся иногда студнем из маральей губы. На белках соболевщики расставляют пасти и ловят ими глухарей, которые из черни вылезают на белки посидеть.

Ловля соболей производится двумя способами: или капканами, которые ставят на дорожках, проложенных соболями, или кулемами. Дорожка соболя состоит из колодцев, или ямок, на расстоянии длины тела соболя, в которые он, скача, ставит сначала обе передние ножки, потом обе задние; снег под колодцем сбоку вырезают ножом, вдвигают под колодец ловушку, подкладывают сбоку веток, чтоб снег не обваливался, заравнивают яму и наконец заматают свой след, потому что соболь имеет острое чутье и угадает опасность, если не принять предосторожностей. Тонкий слой снега, оставленный над ловушкой, обваливается под сободем, и лапа последнего ущемляется пружиной.

Кулема, другая обыкновенная ловушка на соболей, состоит из загородки с приманкой внутри и системой рычагов в отверстии, как у мышеловки. Они устраиваются подле дерева; расположение частей этой маленькой постройки можно сравнить с планом собора св. Петра в Риме; место, которое занимает сам собор, здесь занимает толстый комель большого дерева; подобно двум крыльям колоннады, от дерева идут два крыла загородки, состоящей из досочек или

колышков, стоямя вбитых в землю; место, где поставлен обелиск, занято колышком, на который навешивается приманка для соболя – убитый рябчик, тетеря или кошечка сеноставка. Круг, образуемый загородками, спереди не замкнут: тут оставляется вход, который только внизу забирается невысоким порогом; выше порога вход перекрещивается шестиками, которые поддерживают «давок». Сверху все здание закрывается накатцем и хвойными ветками. Соболя, почуяв добычу, лезет в отверстие, сдвигает шестики, костылек, поддерживающий их в равновесии; верхний шестик, нагнетаемый сверху «давком», выпадает и прижимает соболя к порогу.

По приходе на промысел соболевщики в продолжение первой недели занимаются приготовительными работами, делают кулемник, ловят для приманки кошечек сеноставок, стреляя их и ставя на дорожках черканы, капканы, плашки и кулемы; потом уже они расставляют кулемы на соболей, иногда на пространных 50 верст. Чтоб не потерять дорогу к своему стану, зверовщики, расставляя кулемы в дремучем лесу, делают «теси» на деревьях, на каждых десяти саженьях, подобно золотоискательным партиям в Енисейской тайге. Остальное время промысла проходит только в осмотре кулем: иногда две ночи приходится соболевщику проводить в лесу, прежде чем он кончит свой осмотр; поэтому, отправляясь в обход, соболевщик берет иногда с собою запасу на несколько дней, таща его сзади на маральей шкуре. Когда артель состоит из трех или более человек, то один из товарищей остается в избушке для протапливания ее и для приготовления пищи другим товарищам. Единственное развлечение этого кашевара в отсутствие товарищей – поддержание постоянного огня в печке. Дни, и особенно ночи, проводимые в одиночестве, возбуждают воображение, ведут к галлюцинациям и делают из соболевщиков суеверных людей.

Нередко соболевщикам угрожает на белках голодная смерть, когда запасы истощатся, а продолжительные бураны не позволяют своевременно спуститься в долину. Тогда соболевщики подбирают выброшенные под лавку отруби и пекут из них хлебцы, собирают обглоданные кости и снова вываривают их навар. Если один из товарищей заболит и не может сам спуститься с белков, его покидают в избушке одного, оставив ему запасу, и больной должен терпеливо ждать, пока товарищи, спустившись в долину, дадут знать его родным и те наймут носильщиков. Несмотря на все эти опасности, соединенные с соболинным промыслом, в нем есть много привлекательного для соболевщика, и он с восторгом встречает наступление соболиного сезона. Прелесть жизни на высотах обуславливается многими обстоятельствами: отсутствие деревенского шума, ограничение забот одними первыми потребностями жизни, позывы к разгулу и пьянству не являются, одна страсть господствует, знакомая всякому составителю коллекций, – увеличение числа соболиных шкурок; к этому следует присоединить еще влияние чистого альпийского воздуха, а также действие на простую душу соболевщика картины лежащих под ногами долин, когда ему

случается выходить на безлесную вершину белка. С трудом соболевщики ждут назначенного к выходу из деревни дня и плачут от нетерпения.

Из других зверей охота производится за дикими козами, маралами и лосями. В августе в Алтай тянутся небольшими табунами дикие козы, проводившие лето в приалтайской степи; они держатся определенных дорог по гребням хребтов, избегая переправ и пересечения поперечных долин; эти гребни потому у местных крестьян и называются «ходовыми сопками»; где последние сужены поперечными долинами, многие пути косуль сходятся в одну общую тропу; в этих узких местах они избирают для своего прохода седловины между двумя, хотя и незначительными, возвышенностями. Тут во время хода косуль здешние промышленники прячутся за камни с ружьями, почему эти места и называют «караульными сопками». С северной стороны караульная сопка, как и всякая здешняя возвышенность, представляет наиболее крутую, покрытую хвойным лесом покатость; с южной — она имеет вид невысокого каменистого бугра. Козы поднимаются лесом и выходят на южную сторону караульной сопки; перед ними открывается небольшое открытое пространство, через которое они должны перебежать, чтоб достичь до других лесистых возвышенностей, лежащих впереди; в это время они делаются добычей охотников, сидящих в камнях. Осенью козы пасутся под самыми белками, но когда выпадает первый снег, они спускаются к вершинам ключей и, по мере увеличения снегов, спускаются все ниже и ниже. На этих переходах они встречают изгороди, которые тянутся иногда на несколько верст; в изгородах они находят отверстия в полтора аршина ширины и устремляются в них, но впереди отверстий вырыты глубокие ямы, в которые они падают и живыми достаются охотникам. У некоторых охотников изгороди тянутся версты на две, и тогда у одного охотника насчитывается до семидесяти ям. Кроме того, коз бьют из ружей и ловят петлями.

Очень прибыльна также для крестьян охота за маралами, рога которых сбывают в Китай. В последнее время алтайские крестьяне начали разводить домашних маралов; начало этому делу положено в одной из деревень в вершинах реки Бухтармы; затем домашние маралы появились в верхней части долины Катунь, в уймонских деревнях; в настоящее время в Алтае уже насчитывается до 200 домашних маралов. Для маралов делают загороды в лесу, так называемые «сады», где иногда ставят для животных на зиму сено. Самки, содержимые в этих загонах, плодятся беспрепятственно. Рога самцов, когда они у них достигнут необходимого роста, спиливают: для этого самца загоняют в особый станок, где на шею ему накладывают ярмо, удерживающее его во время операции в неподвижном состоянии. В настоящее время половина рогов, идущих в продажу из Алтая, состоят из снятых с домашних маралов; китайцы, впрочем, ценят спиленные рога дешевле тех, которые сняты с убитых маралов и при комле имеют остатки черепных костей. За пару хороших рогов скупщики дают промышленникам до 50 рублей. Из Алтая рога везут в Кобдо и особенно

в Улясутай, где они сбываются китайским купцам. В настоящее время самок содержится в загонах еще мало, и поэтому стада умножаются посредством поимки диких животных; пойманное животное скоро становится смирным и остается в полудиком состоянии, вероятно, потому, что в загонах свобода его сравнительно мало стесняется. Наилучшим мараловодом в Алтае теперь называют ясачного крестьянина деревни Уймон, Родиона Чернова, у которого самый большой «маральник»; в нем считается тридцать пять животных, в том числе десять самцов и двадцать пять самок.

Пчеловодство составляет один из самых главных промыслов в Томской губернии; оно распространено везде, где есть «большетравье» или «чернотравье» — так называют здешние крестьяне флору долин в отличие от низкорослой травы степей. В губернии считалось в 1864 году всего до 360 000 ульев, из них в одном Бийском округе, пределы которого почти совпадают с пределами Алтая, было до 147 000 ульев. Пчеловодство в Алтае пасечное; пасеки располагаются вдали от деревень, обыкновенно в поперечных долинах или логах, отличающихся глубиной, часто в очень живописных местностях, около журчащей речки, течение которой скрывается в чаще из берез, черемухи, гороховника, бузины, боярышника и других кустарников. Многие пасеки находятся в необитаемых долинах, верстах в 80-ти от населенных местностей. Хозяева таких пасек завозят туда с осени сухарей, и потом, проведя зиму в деревне, весной, когда еще не сошел снег с гор, на лыжах переваливают через отделяющий хребет и проводят там начало лета. Появление пчелы в Алтае относится к концу прошлого столетия. Рассказывают, что полковник Аршеневский первый основал пасеку около Усть-Каменогорска. Впрочем, история эта темная. Подобно этому предание приписывает чиновникам распространение раков в реках Тобольской губернии; но в последнее время высказывается сомнение в правдивости этого предания, ввиду некоторых фактов, дающих повод думать, что рак обитал здесь до появления русских; те же сомнения могут быть возбуждены и относительно Аршеневского.

Пчеловодством обыкновенно занимаются в Алтае старики; когда дочери, на обязанности которых в Алтае лежит тканье холста и обшивание родителей бельем, выданы замуж, пасека дает возможность одеваться в ситцевое белье; таким образом этот промысел, будучи под силу старикам, ставит их в независимое положение от сыновей. Пасечники, имеющие до четырехсот колод, — в Алтае обыкновенное явление; уверяют, что есть хозяева, насчитывающие до 2 000 колод. Цена меду до 4 рублей 50 копеек за пуд, воску — до 20 рублей. Доход от пчеловодства в Томской губернии определяется в полмиллиона рублей.

Сельские промыслы в Алтае развиваются на счет звероловства: в пасечников превращаются прежние соболевщики; дети соболевщиков уже не ходят на белки и обращаются к более верному промыслу — земледелию; соболиный и вообще звериный промысел постепенно падает. Это явление обусловливается умножением оседлого населения и уменьшением зверя: некоторые породы зверей,

прежде водившихся в Алтае, теперь уже в нем не встречаются; так, напри[м]ер, прежде, по рассказам старожил, кабан заходил в северные долины Алтая, ныне же его в Алтае нигде не встречается; лось, марал и соболь удалились вглубь страны, и на белках, где соболевали еще в начале нынешнего столетия, об этом зверьке осталось одно воспоминание. В нижних частях долины земледелие производится с успехом; отсюда оно постепенно распространяется, вместе с расселением русского племени, вверх по долинам; высший предел, до которого хлебопашество достигает в южном Алтае, можно полагать почти в 4 000 футов, как напри[м]ер, в деревне Фыкалке, в вершинах Бухтармы, где хлеб всегда созревает вовремя; в северных долинах предел этот, кажется, ниже; в уймонских деревнях, лежащих ниже, хлеб иногда не созревает. Пашенная почва в западном Алтае (к з[а]паду) от р. Белой, впадающей слева в Чарыш) глинистая, к востоку от той же речки — чернозем; местные жители называют эту почву «материчной землей», «кроторойником». Это название дается почве потому, что осенью скаты гор покрываются кучами свежего чернозема, выкиданного из нор маленькими зверьками, которые называются в Алтае кроторойками (Crycetus). Из этих куч берут чернозем здешние цветочницы в свои банки. Он отличается мягким, черным цветом и после дождя свертывается в отдельные комочки величиной с горошину. С границами этих почв совпадает распространение сохи и плуга; к западу от р. Белой пашут плугом, к востоку — сохой. Введение плуга в южном Алтае (в долинах Бухтармы) приписывается коменданту Бухтарминской крепости Брандту. Вероятнее, однако, что плуг, как и пчела, принесены в Алтай раскольниками, выселенными сюда из Белоруссии и известными здесь под именем поляков. Здесь засеваются: рожь, ячмень и «алая пшеница». Рожь в этих местах менее других хлебов подвергается неурожаю, и потому у алтайского крестьянина сложилась поговорка: «рожь — не ложь». Пшеница здешняя отличается от пород пшеницы, возделываемых на прилегающей к Алтаю с севера степной равнине, красноватым зерном. Степная пшеница, которую здесь зовут «дорогою», в Алтае не созревает; от обильных дождей она тянется в солому, достигает необыкновенного роста, но, не налив зерна, бывает прихвачена первым инеем.

Пашни располагаются на высоких местах, особенно те, на которых сеют пшеницу; последние обыкновенно находятся при самом основании каменистого обнажения, которым завершается почти всякая значительная возвышенность. Когда едешь в алтайской долине, пашни представляются четырехугольными желтыми платками, разостланными по горам; нередко они кажутся отвесно висящими. Обилие дождей в Алтае — причина того, что неурожаев в его долинах не бывает; в прилегающей же с севера степной равнине урожай непостоянный: то засуха причинит убытки крестьянам, то наступит такой урожай, что население не успевает убрать хлеб с полей. Такой урожай был летом 1876 года, когда много выросло падалки; в одной деревне до 140 десятин хлеба ушло под снег неснятыми, в другой деревне, отличавшейся бедностью, крестьяне, ходившие

по миру, продали по 100 пудов пшеницы; в деревне на Алее один крестьянин сложил в амбар до 20 000 пудов. На пристани по Бии свалили в этот год до 200 000 пудов, чего прежде не бывало; в мае 1877 г. 5 пароходов приходили в Бийск для сплава хлеба, а обыкновенно приходит только два.

Если сравнивать жизнь сибирского крестьянина в Алтае с жизнью крестьян в Европейской России, нельзя не заметить, что первый живет в значительно лучшей обстановке. Деревенская обстановка в Алтае рисуется следующими чертами. Деревня бывает обнесена городьбой, «поскотиной», внутри которой общий выгон; поскотина захватывает внутрь себя речку с островами, на которой стоит деревня, и часть горных скатов; за поскотиной по горным скатам разбросаны пашни отдельными участками для каждого хозяина; поскотина имеет назначение охранять пашни от скота, который без пастуха свободно бродит внутри поскотины, к вечеру же сам собирается к деревне в особо загороженный «пригон», куда крестьянки приходят с подойниками и доят коров; здесь же у них устроены хлева для мелкого скота; летом унавоженный за зиму пригон превращается в общий для всего населения огород. Избы крестьян обносятся жидкой городьбой, «пряслами»; ворота состоят из двух, трех горизонтальных жердин и вращаются на пяте. Избы состоят из двух половин – горницы и собственно избы; в последней русская печь и полати, во второй иногда голландская печь, потому что в крае нет кирпичных заводов, чаще же русская, битая из глины, но зато с размаляванными косяками; двери, косяки у окон и нередко самые стены здесь также любят размалявывать разными красками или оклеивают обоями, особенно в переднем углу. Непременной принадлежностью горницы служат: ситцевый полог, закрывающий кровать с пуховиком и грудой подушек, зеркало с наброшенным на него «рукотерником» (полотенцем), сундуки, прикрытые тюменским ковром, шкаф с посудой и иногда деревянная софа; передний угол занят иконами, между которыми первое место отведено большой, в аршин длиною, плащанице. Женщины у алтайских крестьян ходят в ситцевых платьях, а не в сарафанах. Обувь женщин состоит из башмаков, а у мужчин – из кожаных сапогов и бродней; лапти известны только по слуху; рассказывают анекдот, как след «новосела» (переселенца из Европейской России) сибирские мужики приняли за след невиданного зверя и целой деревней ходили выслеживать его с винтовками, острогами, литовками и другим оружием. Звероловный промысел приучил сибирского крестьянина потреблять значительное количество фабрикатов; соболевщику земледельческие продукты нужны были только как пищевой запас; расходы на одежду, посуду и подати оплачивались у него из доходов от продажи уловленного зверя; когда господствующим промыслом стало земледелие, на него должны были пасть и расходы по покупке фабрикатов. Дешевизна сельскохозяйственных продуктов сравнительно с мехами должна неизбежно вести или к сокращению потребления фабрикатов, или к разорению. Этим, вероятно, можно объяснить, почему новоселы, недавно поселившиеся в Алтае, богатеют, а рядом с ними живущие сибиряки разорились. Новосел приносит с собой старые

привычки обходиться по возможности во всем домашними изделиями: женщина у него ходит в холщовом сарафане, живет он в черной избе. В Бийске на святках мещане рядятся, между прочим, «рассейскими новоселами», причем неизменными статьями костюма считаются: синие, крашенные, непременно узкие штаны, лапти, если только можно найти их, рваный кафтан, а главное – краюха черного хлеба под мышкой; ряженый должен просить милостыню. Таким является новосел в этот край; но через несколько лет обилие даров алтайской природы ставит его в возможность завести самовар, каждый день пить чай, иметь к нему белый калач и мед, и если не совсем вносит в его дом привычки сибиряка-старожила, то все-таки делает значительную разницу в его обстановке с тем, чем он был окружен на своей родине, где-нибудь в Тамбовской или Вятской губернии. Жизнь его в алтайской долине так же счастливо отличается от жизни его собратий, оставшихся на родине, как рост и яркость красок отличают европейские виды трав, растущие на алтайской почве.

К сожалению, некоторые обстоятельства препятствуют более полному процветанию крестьянского хозяйства. Одно из первых обстоятельств заключается в особенностях землевладения и землепользования в Алтае: вся земля в Алтае считается собственностью Кабинета; крестьяне, живущие на ней, обязаны платить Кабинету по 6 рублей в год оброку с души, сколько бы десятин они ни распахивали; этот оброк установлен в эпоху освобождения крепостных крестьян взамен горнозаводских повинностей (возки руды, возки и приготовления угля), которыми были обязаны алтайские крестьяне по отношению к горным заводам. При отмене горнозаводских натуральных повинностей и замене их оброком имелось в виду впоследствии наделить крестьян землей; но так как надела не сделано и по настоящее время, то крестьянская реформа для алтайского поселенца ограничилась одним переводом натуральной повинности на денежную. Весьма важно для крестьян, каков будет надел. Заводоуправление настаивает на наделе в 15 десятин, причем шестирублевый оброк падает на десятину в количестве 40 коп.; различные представители администрации находят такой надел недостаточным и разорительным для крестьян и указывают, что оброк с казенных земель вне горного округа нигде не превышает 10 коп. с десятины, что само заводууправление нигде не сдает своих земель за оброк в 40 коп., кроме местностей исключительных, вроде сенокосных участков вблизи городов и пр.

Другой помехой к улучшению быта крестьян служит отдаленность рынков сбыта сельских произведений и отсутствие хороших путей сообщения, вследствие чего сельскохозяйственные продукты сбываются по низкой цене и часть их вовсе не имеет сбыта. У многих крестьян хлеб лежит в «клунях» (стогах) по несколько лет; есть клуни, которым насчитывают до двадцати лет. Цены на жизненные продукты в Бийске стоят низко: мясо коровье – 80 копеек пуд, а при покупке нескольких туш за раз обходится в 60 копеек (в розницу на рынке мясо продается по 3–5 копеек за фунт); свиной окорок – 1 рубль – 1 рубль 20 копеек; масло коровье (когда вздорожало) – от 5 до 7 рублей пуд;

круглую пшеницу кубанку скупщики покупают в деревнях по 25–30 копеек пуд, а «сибирку» – по 15 копеек. Мука пшеничная в Бийске от 16 до 20 копеек пуд, ржаная – от 12 до 13 копеек, овес – 7–10 копеек пуд. Конопляное масло – 3 рубля пуд, льняное – 2 рубля, подсолнечное – 4 рубля 50 коп.

Главный сбыт местных произведений почти весь в одну сторону – на Ирбитскую ярмарку. К сожалению, для промышленной статистики в Сибири ничего до сих пор не сделано, и потому мы не можем рассказать о количестве сбываемых продуктов и способах их доставления. От Бийска до Ирбита далеко; понятно, что немногие товары могут выносить провозную плату на таком расстоянии; из Бийска везут в Ирбит меха (между которыми самое видное место занимает белка), кедровые орехи, скотские кожи, масло. Последнее проникает, к удивлению, очень далеко на запад: часть его идет по Волге и Дону до Ростова и оттуда отправляется в Константинополь, где потому всякое коровье масло известно под именем сибирского.

С южной стороны к Алтаю примыкает край, представляющий своими высокими ценами на жизненные продукты поразительный контраст с Бийским округом. В китайских городах Кобдо и Улясутае, лежащих в этой стране, пуд китайской муки стоит 4 рубля, пуд масла обходится в 10 рублей, фунт конопляного масла – 40 к[оп.], следовательно, пуд обойдется в 16 рублей. Большой киргизский баран стоит от 3 до 4 рублей. В настоящее время несколько бийских купцов ведут торговлю в Монголии и завели лавки в Кобдо и Улясутае, которые снабжаются русским товаром с Ирбитской ярмарки, частью произведениями местного сибирского производства, но размеры этой торговли ничтожны и не превышают в общей сложности 200 000 р[уб.]. Главным препятствием к развитию торговых сношений в этом направлении служит трудная дорога по теснине, по которой течет Чуя пред впадением в Катунь. Торговля эта началась 90 лет назад, и тогда она имела такой же характер. Долина Чуи хотя считалась и тогда русской, но китайские пикеты тянулись по ее южной окраине от вершин Чуи к вершинам Бухтармы, которые считались в пределах Китая; ежегодно китайский отряд в сопровождении дюрбютов и халхасцев отправлялся из пикета Суок (на южной окраине Чуйской степи) в вершины Бухтармы с целью положить дощечку у священного дерева Байхагач. К этому отряду присоединялась толпа благочестивых богомольцев и купцов. Перевалив через горы в Чуйскую долину, пилигримы разбивали свои палатки на покрытых густой и высокой травой лугах речки Бураты, или Уландрык, и производили меновую торговлю, предлагая китайские товары: чай и бумажные ткани кочевникам Чуйской долины, теленгитам, которые тогда платили дань одновременно и России, и Китаю, почему и назывались *двоеданцами*. Эту ярмарку на р. Бураты двоеданцы называли *черу кельды*, «войско пришло». В то же время бийские купцы ездили с русским товаром по стойбищам алтайцев, но до Чуи далеко не доезжали; один из них построил домик на р. Семи, где ныне деревня

Шебалина, и завел здесь склад товаров; сюда к нему стали приезжать двое-дандцы с вымененным на Буратынской ярмарке китайским товаром и обменивали его на русский. Таким образом двоедандцы стали посредниками в обмене русских товаров на китайские и разбогатели. Впоследствии русские постепенно начали глубже и глубже проникать в Алтай и стали доезжать по Чуе до Красной горы; еще позже они построили несколько избышек выше Красной горы и здесь стали складывать товары. Во время Буратынской ярмарки они выезжали на р. Бураты, в другое время ездили по китайским ярмаркам, которые окружают и теперь долину Чуи. Позже, в 1869 г., особая комиссия, составленная из русских и китайских чиновников, провела новую границу с Китаем, причем вершины Бухтармы отошли к России. Тогдашний томский губернатор не только прекратил паломничество к священному дереву в вершинах Бухтармы, но и уничтожил ярмарку на р. Бураты. Это распоряжении принесло ту пользу, что бийские купцы перевели свои лавки в города Кобдо и Улясутай и стали развезжать с товарами по монгольским стойбищам и монастырям; таким образом устроилось посредничество между русским купцом и монгольским покупателем.

В настоящее время в Кобдо обыкновенно зимует до четырех русских лавок да в Улясутае одна или две. Летом же купцы рассылают приказчиков торговать по хонсунам (или волостям); эти кочевые лавки называются «палатками» или «счетами». Таких «счетов» в северо-западной Монголии насчитывается до двадцати. Польза этого переселения русской торговли несомненна: она знакомит русских ближе с монголами и их потребностями, а также с конкурентами — китайскими купцами; нечего и говорить о том, какую пользу может принести то обстоятельство, что в бийских приказчиках мы имеем теперь людей, знающих дороги, места, физические условия края и, наконец, местные языки. Из русских товаров самыми прочными можно признать кожи и железо; в последнем особенно нуждается этот край; большинство монголов, несмотря на каменистую почву, принуждены, по недостатку железа, ездить на неподкованных лошадях; железных гвоздей в городских постройках не употребляется, двери двигаются на пятах, а не на шарнирах; трава и хлеб во многих частях страны, за неимением серпов и кос, вырываются руками; ящики, в которых укупоривается товар для дальней перевозки, сшиваются ниткой, вырезанной из ремня. Эти факты тем более странны, что на северной стороне Алтая, в долинах, прилегающих к Телецкому озеру, залегают множество железных руд хорошего качества, которые, однако, не разрабатываются вследствие особенного положения края. Что же касается других русских товаров, то они потребляются в небольшом количестве, и если русские лавки в китайских городах снабжены всякой мелочью, то ее раскупают только китайские солдаты. Во внутренний Китай из русского Алтая идут только маральи рога, которых ежегодно вывозят более 400 пар; этот товар отправляется из Улясутая в город Гуйхуачэн (Хуху-Хото), а оттуда он идет в южный Китай; это товар, который из Алтая так же далеко идет на юго-восток, как коровье масло на запад. Маральи рога продаются в Улясутае

от 8 до 40 рублей пара. Китайцы называют маралий рог лу-дзон, ценят его как лекарственное средство; кроме того, рассказывают, что в южном Китае есть обычай, чтоб жених подносил невесте в подарок пару красивых маральных рогов в оправе, как часть будущего ее туалета.

Главные вывозные статьи из Монголии – сурковые шкурки и скот. Сурков бедные монголы всегда били себе на пищу, но шкурки сурковые не шли никуда, пока русские не стали их брать; и теперь сурок из Монголии идет только в Россию. Сначала эта торговля была очень выгодна для бийских купцов: они покупали шкурку по 5 к[оп.] в Монголии, а в Ирбите продавали ее по 15 к[оп.]; теперь спрос в Россию сурка уменьшился; в год вывозится до 500 000 шкурок. Скот, набранный в Монголии, отправляется в Иркутск; к нему присоединяется значительная часть скота, собираемого в Алтае у русских подданных кочевых китайцев. Прежде скот из русского Алтая гоняли через Минусинский округ, причем приходилось переваливать через высокие горы, отделяющие течение Томи от Енисея; в последнее время его стали гонять через Монголию. Всего прогоняется рогатого скота через Монголию до 6 000 голов; выделить из этой суммы, сколько падает на русский Алтай, трудно.

Выше было сказано, что главное препятствие к развитию более обширных торговых сношений с Монголией заключается в неудобствах и трудностях пути по долине Чуи, хотя все-таки этот путь через Алтай самый удобный, так как Чуйская долина, лежащая не выше 6 000 ф[утов] над уровнем моря, представляется обширной седловиной между двумя мощными поднятиями: на юго-западе – Укэк в 7 000 ф[утов] и на северо-востоке – Кендыктыкуль в 8 000 футов. Выход из Чуйской долины не представляет затруднений; хотя горные проходы, ведущие из Чуйской степи (т. е. верхней части Чуйской долины) в Монголию, поднимаются до 8 000 ф[утов], но они плоски, оба ската их удобны не только для подъема вьючного скота, но даже можно ехать через них в телеге; они проходимы не только летом, но и в середине зимы. Гораздо труднее провезти товар по нижней части Чуйской долины, где река течет в отвесных щеках, и дорога лепится по карнизам, или так называемым бомам.

Эта часть долины Чуи изобилует живописными видами; при каждом повороте долины путнику представляются новые картины, одна другой интереснее; дорога идет по правому берегу реки, то спускаясь на дно долины, то поднимаясь на соседние скалы; дорога эта – ничто иное, как тропинка, очень мало улучшенная человеческой рукой: убраны с дороги камни, местами дорога расширена на счет соседней горы, если последняя состоит из мягкого грунта, что здесь встречается редко; местами, где дорога тянется по узкому карнизу, по внешнему краю ее положена колода, на которой несколько оставленных сучьев должны напоминать о перилах. Иногда вместо этих полуискусственных перил ее сопровождает ряд высоких кустов черемухи или ив, которые висят над обрывом, падающим отвесно над шумящей внизу рекой. «Бомы» называются каменные массы, упирающиеся в реку, так что дорогу приходится прокладывать

в полугоре; если гора состоит из сланцев, тогда нередко неравномерное выходение пластов на поверхность образует рубцы или уступы по склону горы, и одним из них пользуются как естественной дорогой; уступ бывает всегда так узок, что по нем может ехать только один человек, и если дорога огибает выдающийся мыс, то прежде чем всему каравану вступить на уступ, посылают вперед одного человека пешком, чтоб предупредить, не въехал ли кто-нибудь на уступ с противоположной стороны, — иначе съехавшимся на середине нельзя будет разъехаться. Зимой, когда река покрывается льдом, или даже осенью, когда не вся река обледенеет, а только под бomaми образуются забереги, по Чуйской долине удастся проходить вьючным верблюдам; летом же здесь единственно возможное передвижение — на вьючных лошадях, которые, надо признаться, прекрасно освоились с местными условиями. На лошадь навешивается вьюк, крепко прикрепляется к ней веревками, и затем ее отпускают бежать по своему произволу; для вьючки и присмотру, если караван большой, полагается на 6 лошадей один рабочий. Обязанность его в дороге — следить за лошадьми, чтоб они не сворачивали с дороги, увлекаясь кормом, что они делают беспрестанно, забираясь на крутизны, с которых потом им с трудом приходится спускаться; чтоб заставить их спуститься, достаточно покричать им снизу, и потомудвигающийся по этой ужасной дороге караван беспрерывно оглашается криками погонщиков. Услышав крик, лошади останавливаются, приседают на задние ноги и нередко скатываются вниз, вовремя останавливаясь, когда достигнут горизонта проторенной дорожки. Иногда, впрочем, это не обходится так благополучно, и лошадь, миновав удобное место и увлекаемая тяжестью вьюка, катится до подножия скалы, куда достигает мертвая, или, если дорожка идет по карнизу отвесной скалы, падает с значительной высоты прямо в бурно несущуюся реку. Эти трудности перевозки по Чуе служат причиной того, что купцы, ведущие торговлю с Монголией, избегают многих товаров, которые имели бы значительный сбыт; так железо или мука не везутся вследствие дороговизны перевозки, всякие жидкости, стекло — вследствие хрупкости или опасности убытка от ударов об скалы. В настоящее время местной администрацией возбужден вопрос об устройстве тележной дороги по Чуе.

Само собою разумеется, что устройство тележной дороги значительно оживит торговлю этого богатого и обильного края с Монголией. Бийск и Ирбитская ярмарка перестанут быть почти исключительными пунктами сбыта продуктов сельскохозяйственной производительности, а это в высшей степени важно для края.

Только крайность, т.е. отсутствие мало-мальски сносных путей сообщения, заставляет теперь местное население направлять все предметы сбыта в сторону Бийска и Ирбита, переполнять здесь рынки и сбывать товары за бесценок. С проведением же хотя бы и проселочной дороги в сторону Монголии торговля сельскохозяйственными продуктами направится главным образом в эту сторону; а это даст возможность производителям получить за свои товары

почти в два-три раза больше против того, что они получают теперь на бийском рынке. Улучшение же края в торговом отношении, т. е. устройство дорог, неминуемо вызовет, с другой стороны, и более густое его заселение, что также в высшей степени важно.

В последние годы вопрос о заселении нашей Сибирской пограничной линии очень заботит правительство. Дело представляется настолько серьезным и важным, что принимаются даже меры искусственного заселения этой границы, при помощи субсидий переселенцам из средств казны. Между тем заселение всей Сибири, в том числе и пограничных ее частей, совершится само собою, когда будут устроены должным образом пути сообщения и торгового сношения. Когда железная дорога перережет всю Сибирь, от Уральского хребта до Великого океана, и от этой главной линии протянутся побочные ветви в том направлении, в каком происходит теперь торговое движение, — Сибирь станет неразрывною органическою частью русского государства, а вместе с тем произойдет и заселение этого обширного края, не исключая и пограничных его областей, которые перестанут быть изолированными, забытыми, заброшенными, — перестанут пугать людей своею отдаленностью.

Потанин Г. Н. Алтай // Живописная Россия. Отечество наше в земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под ред. П.П. Семенова. СПб; М.: Изд-во Т-ва М. О. Вольф, 1884. Т. II: Западная Сибирь. С. 193–224.